

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ

Р.Н. Пархоменко

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ И ПОНЯТИЕ СВОБОДЫ У Э. КАССИРЕРА

Аннотация. В статье рассматривается теория политических мифов и понятие идеи свободы в философии Эрнста Кассирера (1874-1945). Кассирер был убежден в том, что только с помощью символической культуры проявляется подлинная сущность человека, его способность не только создавать величайшие памятники культуры, но и опасность впадения в политическое мифотворчество. Работа «Миф о государстве» Э. Кассирера представляет собой размышления об опасностях, подстерегающих человеческую культуру. Кассирер полагал, что совершенно недостаточно описывать и анализировать «нормальное» функционирование, успехи и достижения культуры. Очень важно также давать объяснения «провалов» и «неудач» культуры, равно как и «темных периодов» в человеческой истории.

Ключевые слова: педагогика, миф, символ, свобода, политика, государство, фашизм, тоталитаризм, культура, человек.

Проблематика политической философии занимала Э. Кассирера (1874-1945) на протяжении всех последних лет его жизни. Кассирер был убежден в том, что только с помощью символической культуры проявляется подлинная сущность человека, заключающаяся не только в силе мышления и действия человека, но также в нарастании ответственности за результаты своей деятельности. Исходя из этого, по замечанию современного немецкого философа О. Швеммера, «Философию символических форм» можно рассматривать не только как теоретическую концепцию, но также и как «практически ориентированную философию человеческого самоосвобождения или как философию человеческой способности к ответственности, и в этом смысле как практическую философию»¹.

О практической направленности своей философии Кассирер пишет также и в работе «Натуралистическое и гуманистическое обоснование философии культуры». Здесь он пытается обосновать свою концепцию философии культуры и представить своеобразие и особенности характера человека как субъекта культуры с гуманистических позиций. При этом понятие «гуманизм», по его мнению, не сводится лишь к нравственности человека: «Мы привыкли рассматривать «гуманистический идеал» XVIII сто-

летия в первую очередь в этическом аспекте; стало обычным видеть в нем если не исключительно, то по крайней мере в первую очередь, идеал этический. Однако такой подход вне всяких сомнений слишком узок. Для Винкельмана и Гердера, для Гете и Гумбольдта и даже для Шиллера и Канта, непосредственное конкретное значение гуманизма находится в иной области. Правда, они убеждены, что определенная форма нравственности и определенное устройство государственно-общественной жизни будут следствием «humanitas» и будут представлять в определенном смысле ее наиболее зрелый и благородный плод. Однако они имеют в виду не только эту цель, перед их взором находится гораздо более общая тема и более масштабная проблема. То, что они ищут под именем гуманизма, находится за пределами форм нравственности. Оно простирается на всякое формотворчество вообще, в какой бы жизненной сфере оно ни происходило. В качестве основной черты любого человеческого бытия предстает то обстоятельство, что человек не растворяется в массе внешних впечатлений, а укрощает эту массу, придавая ей определенную форму, происходящую в конце концов из него самого, из думающего, чувствующего, желающего субъекта»².

¹ Schwemmer O. Ernst Cassirer. Ein Philosoph der europaischen Moderne. Berlin, 1997. S. 129-130.

² Кассирер Э. Натуралистическое и гуманистическое обоснование философии культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 168-169.

Таким образом, по мысли Кассирера, нравственность человека дополняется его ответственностью за «дело рук своих», за результаты свободной деятельности его творческого духа.

Однако наибольшее развитие политические идеи получили в последней работе Кассирера «Миф о государстве», которая была написана на английском языке и опубликована в США уже после смерти автора в 1946 г. Данная работа многими исследователями причисляется к важнейшим произведениям Кассирера, поскольку она представляет собой логическое завершение эволюции воззрений творца «Философии символических форм», без рассмотрения которой невозможно адекватно оценить и понять многообразное наследие немецкого философа.

В «Мифе о государстве» Кассирер работает с двумя теоретическими перспективами. Одну из них можно обозначить как «проект социальной патологии символической идеации»³. Здесь прослеживается прямая параллель с «Философией символических форм»: ведь, как мы помним, вся шестая глава «Феноменологии познания» была посвящена патологии символического сознания. Больные афазией люди утрачивают способность «работать» со знаками и знаковыми системами; Кассирер называет такое состояние вещей «патологией символа», ведущей, помимо всего прочего, к утрате такими людьми способности гибко реагировать на конкретные жизненные ситуации. Действия больного в большей или меньшей степени блокируются, поскольку больной человек в наличной ситуации имеет в своем распоряжении только ограниченное число вариантов поведения, или, в более общем смысле, ограниченное число «перспектив смысла»⁴.

Новизна «Мифа о государстве», по сравнению с «Философией символических форм» заключается в том, что мыслитель в известной мере распространяет проблематику патологии символа на *социальное* целое. При глубоких кризисах в обществе обедняется человеческая способность к символической интерпретации, благодаря чему энергия мифа выдвигается на первый план и создает угрозу для различных способов интерпретации в других формах культуры. Миф, чья энергия в благоприятные времена связана и протекает в русле религии и искусства, теперь получает возможность воплотиться в действительность⁵.

Из этого факта вытекает и вторая теоретическая перспектива. Она посвящена роли техники в современном обществе. Кассирер полагает, что, несмотря на то, что мифическое является принципиально неустраняемым элементом человеческого опыта, для того чтобы миф смог напрямую руководить человеческими действиями, должны быть выполнены по меньшей мере два следующих условия:

1. Речь должна идти об обществах, в жизненном мире которых доминирует техника. Техника как символическая форма⁶ образует самостоятельную и автономную область человеческой культуры. Она, к примеру, вытесняет ремесло, которое еще в большой степени основывается на совместной работе людей. Современная техника имеет в своей основе тенденцию изменять модус человеческого опыта.
2. Политические мифы современности с помощью техники «фабрикуются» и распространяются. Они уже не являются стихийным результатом свободной способности воображения, но они стратегически «просчитаны» и внедрены в массовом порядке для того, чтобы аффективно сплотить и организовать социально разобщенный коллектив.

Поскольку одной из главных проблем «Мифа о государстве» является вопрос о корнях фашизма, то Кассирер формулирует для себя следующую задачу: он пытается выяснить, как тоталитаризм смог вырасти до масштабов фашизма. Чтобы прояснить суть дела, он вновь обращается к вопросу о том, что такое миф. С этой целью последовательно рассматриваются структуры мифического мышления, соотношение мифа и языка, мифа и учения психологии об аффектах, а также функция мифа в социальной жизни людей⁷.

По сути дела Кассирер резюмирует все свои предшествующие исследования о мифе и приходит к выводу, что мифический мир опыта характеризуют определенные когнитивные структуры, такие, как полисемия, разнообразные формы симпатии, метафоричность; причем весь мифический мир опыта, — что также немаловажно, — строится чисто аффективно. Мифы имеют, таким образом, как бы «космическое» измерение — они повествуют о «первоначале» всего бытия. Но мифы, по Кассиреру, это прежде всего не когнитивные и спекулятивные оценки мира, —

³ Paetzold H. Ernst Cassirer. Zur Einfuehrung. Hamburg, 1993. S. 105.

⁴ Ibid. S. 106.

⁵ См.: Cassirer E. Der Mythos des Staates. Frankfurt a. M., 1994. S. 364.

⁶ См.: Cassirer E. Form und Technik (1930) // Cassirer E. Symbol, Technik, Sprache. Hamburg, 1995. S. 39-91.

⁷ См.: Cassirer E. Der Mythos des Staates. Frankfurt a. M., 1994. S. 7-70.

они «произрастают» из практической деятельности человека. «Проникнуть» в структуру мифа означает рассмотреть его как некий феномен ритуального действия: «Миф является *эпическим* элементом примитивной религиозной жизни; обряд есть *драматический* элемент. Мы должны начинать с изучения последнего, для того, чтобы понять первое»⁸.

Кассирер здесь обращается к работам известного этнолога и социального антрополога Бронислава Малиновского. Малиновский исследовал рациональное и эмпирическое регулирование повседневной жизни «естественных народов» и пришел к выводу, что мифы и соответствующие им ритуальные практики выполняют очень важную функцию — регулирующую функцию — в кризисные времена, во времена «перелома», перехода общества из одного цикла жизни к другому циклу. Мифы являются своего рода гарантом того, что данное общество во время коренных перемен не будет полностью разрушено. Кассирер применяет это открытие функционалистской этнологии к анализу современного общества. И пишет о том, что в периоды социальных и экономических кризисов миф дает человеку возможность безоговорочной идентификации с коллективом. В условиях целостности современного общества благодаря этому любые другие возможные решения начинают считаться неудовлетворительными и неприемлемыми; такую тенденцию мыслитель демонстрирует, обращаясь к истории мифа в философии политики от Платона до Гегеля⁹.

Рассматривая роль и функцию мифа в философии политики, Кассирер констатирует тот факт, что мифологизация сознания, зародившаяся еще в античности и средние века, в XIX и XX веках превратилась в новый вид мифического в *политическом мышлении*. Эта ремифологизация политики (свойственная не только романтикам, Карлейлю и Гобино, но и Гегелю) создала предпосылку для того, чтобы люди после первой мировой войны стали чрезвычайно чувствительны к политическим мифам. Кассирер пишет: «Если попытаться рассмотреть по элементам, что представляют собой современные политические мифы, то окажется, что они не содержат ничего в полной мере нового. Все детали их давно известны. Теория «поклонения Герою» Карлейля и тезис Гобино о фундаментальном моральном и интеллектуальном различии рас дискутировались многократно. Но эти дискуссии оставались чисто академическими, и для того, что-

бы превратить старые идеи в мощное политическое оружие, необходимо было что-то еще. Их нужно было приспособить к современной аудитории, создать новый инструмент не только для мысли, но и для действия, разработать технику манипулирования идеями. Говоря научным языком, эта техника должна действовать как катализатор — ускорить все реакции и способствовать их доведению до конца. Хотя почва для мифа XX века была подготовлена давным-давно, она не могла бы принести плодов без умелого использования новых инструментов»¹⁰.

Кассирер считает, что именно в период после первой мировой войны были созданы все необходимые условия, способствующие развитию этой техники и ее полной и окончательной победе. Война не привела к решению социальных проблем даже в странах-победительницах и со всех сторон появлялись новые трудности. Но если в Англии, Франции и Северной Америке всегда была возможность для их разрешения с помощью обычных мер, то в Германии такой возможности не было. Во времена инфляции и безработицы вся германская социальная и экономическая система оказалась на пороге краха, все «нормальные» ресурсы были исчерпаны и именно эта ситуация стала самой подходящей почвой для прорастания и бурного расцвета политических мифов.

Кассирер отмечает, что в мирное, спокойное время, в периоды стабильности и безопасности рациональная организация общества легко поддерживается и функционирует, однако в политике никогда не бывает абсолютного *статического* равновесия — а всегда только *динамическое*. Во все критические моменты человеческой жизни рациональные силы, препятствующие выходу на поверхность старых мифических концепций, оказываются сильно ослабленными. Именно поэтому во время кризисов необходимы некие быстрые «чудодейственные» рецепты для преодоления проблем. Философ настаивает на том, что в действительности мифы не могут быть полностью удалены из общественного сознания, они могут быть лишь подавлены и подчинены, чтобы в «час X» занять господствующее положение в умах и настроениях масс.

Для того чтобы точнее определить, что же такое «миф» по своей сути, философ обращается к книге французского ученого Э. Дуте «Магия и религия Северной Африки». По Дуте, боги и демоны, имеющиеся в примитивных культурах, являются персонификацией коллективных устремлений;

⁸ Ibid. S. 41.

⁹ См.: Ibid. S. 70-360.

¹⁰ Ibid. S. 360.

миф — это персонифицированное желание группы. Такое определение мифа, по мнению Кассирера очень точно отражает современные представления о лидере и диктаторстве. Потребность в вожде появляется только тогда, когда, с одной стороны, общественные настроения по поиску лидера достигают максимальной силы и, с другой, когда нет реальных возможностей удовлетворить такое желание обычными средствами. Только в этом случае желание масс не только остро ощущается и переживается ими, но и персонифицируется, так сказать обретает свою «плоть и кровь».

Философ подчеркивает, что сила коллективного желания в таких случаях объективируется в вожде. При этом все общественные устои — закон, справедливость, мораль, конституция — утрачивают свою ценность. Место права и законности в государстве занимает харизматическая сила вождя, а воля вождя становится высшим законом. И хотя человечество уже значительно продвинулось в развитии интеллектуальных и нравственных способностей, тем не менее, полагает Кассирер, и в современном человеке могут бушевать необузданные страсти. Эти «страсти» в момент своего наивысшего накала приводят к неразумным поступкам, однако даже в подобных экстремальных точках развития общества человек не может полностью отказаться от требований рациональности.

Конрад Лоренц писал, в частности, по этому поводу: «Конечно, положение человечества теперь более опасно, чем было когда-либо в прошлом. Но потенциально мышление, обретенное нашей культурой благодаря ее естествознанию, дает ей возможность избежать гибели, постигшей все высокие культуры прошлого. Это происходит *впервые* в мировой истории»¹¹. Кассирер также считает, что человек, чтобы верить, должен получить какие-то резонные основания для веры, он должен иметь теорию для оправдания своих поступков. Такого рода теории по своей структуре оказываются весьма сложными образованиями. Философ отмечает: «И все это происходит в нашем современном мире! Если исследовать нынешние политические мифы и их использование, мы обнаружим не только извращение всех наших этических ценностей, но даже искажения речи. Магическое слово вытесняет здесь семантическое»¹².

Как и во времена коммунистической диктатуры в СССР, так и во времена фашистского рейха в Германии, были созданы новые слова, в то время

как старые получили совершенно новые значения. Изменение их первоначального смысла произошло потому, что слова, которые ранее употреблялись в логическом, описательном или семантическом смысле, начинают использоваться как магические — отныне они должны производить соответствующий эффект и возбуждать определенные эмоции. Кассирер подчеркивает, что если наши обычные слова наполнены новым смыслом, то этот, созданный из конъюнктурных соображений «новояз», имеет в своей основе только чувство и безумные эмоции.

Однако манипулирование новыми словами представляет собой только одну сторону условия господства в тоталитарных обществах. Чтобы подобный «новояз» имел максимальный эффект, ему должны сопутствовать специальные ритуалы, в чем и преуспели, в частности, фашистские лидеры в Германии. «Каждое политическое действие имеет свой ритуал. И поскольку в тоталитарном государстве не существует никакой личной, приватной сферы, свободной от вторжения политики, всю человеческую жизнь вдруг захлестывает волна новых ритуалов. Они также регулярны, упорядочены и неизбежны, как ритуалы, которые мы наблюдаем в примитивных общинах. Каждый класс, каждый пол, каждый возраст имеет свои ритуальные правила. Никто не может пройти без этого по улице, поздороваться с приятелем или соседом. И точно так же, как и в примитивных общинах, пренебрежение каким-либо из предписанных ритуалов влечет за собой страдание и смерть. Даже малым детям это не сходит с рук как нечаянный грех, а засчитывается как преступление против богоподобного вождя и тоталитарного государства»¹³.

Ритуальные действия обладают свойством ослаблять активную жизненную позицию человека, поскольку в результате четко регламентированной и предзаданной модели поведения снижается способность к самостоятельным суждениям и рефлексии. Человек в подобной ситуации как бы «обезличивается», становится «колесиком и винтиком» глобальной государственной машины. Кассирер напоминает известный науке факт, что в первобытных обществах не было такого явления как «индивидуализм». В то время за любые действия и поступки существовала лишь коллективная ответственность, то есть не индивидуум, а группа являлись тогда настоящим «моральным субъектом». Клан, семья, племя ответственны за действия всех своих членов и если совершено преступление, то конкретного виновника проступка даже и не пытаются найти и

¹¹ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 458.

¹² Cassirer E. Der Mythos des Staates. Frankfurt a. M., 1994. S. 369.

¹³ Ibid. S. 371.

наказать. Подобно некоей «проказе» преступление распространяется на все сообщество, причем никто из этой группы не имеет возможности избежать ответственности. Как известно, принцип «кровной мести» в определенных сообществах сохранился и до наших дней — для примера можно привести итальянскую вендетту.

В прежние времена методы принуждения и подавления очень часто использовались в политике, однако в отличие от современных политических мифов они в большинстве случаев имели материальную основу: даже самые страшные деспотические системы довольствовались лишь тем, что они заставляли людей выполнять свои определенные цели. При этом то, что происходило «внутри» человека, его чувства, мысли, суждения, — были им безразличны, карались лишь открытый бунт и неповиновение.

Современные политические мифы, подчеркивает философ, действуют совершенно иначе: они не довольствуются примитивным запретом на какие-либо действия, они стараются воздействовать гораздо глубже на психику и мировоззрение людей. Это то, что сегодня получило название «манипуляции сознанием», когда происходит попытка изменить менталитет людей, что позволяет легко управлять поведением индивидов. «Политические мифы можно сравнить с удавом, который парализует животное, прежде чем его проглотить. Люди сдаются без серьезного сопротивления, они подавлены и подчинены раньше, чем успевают осознать, что происходит»¹⁴.

Именно манипуляция сознанием является важнейшей чертой современного политического мифотворчества, поскольку репрессивные методы политического подавления неспособны дать столь эффективные результаты. Ведь даже в условиях грубого физического насилия человек продолжает жить своей собственной жизнью, у него остается сфера личной свободы, способная оказывать сопротивление давлению извне. Современные политические мифы разрушают у человека автономию воли и способность к независимому мышлению, отсюда становится понятной отсутствие политической оппозиции в тоталитарном обществе и полная нетерпимость власть предержащих к любому инакомыслию, которое ставит под угрозу все существование системы.

Обращаясь к проблеме *свободы* в условиях тоталитарного общества, Кассирер отмечает, что свобода не является естественной принадлежностью

человека: чтобы ей обладать, необходимо прежде создать ее. Если мы будем просто следовать природным инстинктам, то мы никогда не почувствуем необходимость свободы, мы скорее выберем рабство, поскольку гораздо легче положиться на других, чем самому думать, судить, принимать решения. Это обстоятельство и является причиной того, что и в личной, и в политической жизни к свободе относятся скорее как к бремени, чем как к привилегии. В трудных условиях человек стремится сбросить с себя это бремя — и здесь вступают в действие тоталитарное государство и политические мифы. Новые политические партии обещают избавление от дилеммы «свобода или несвобода», они подавляют и уничтожают сам смысл свободы, но зато освобождают человека от всякой личной ответственности.

Все это выводит нас на новый виток рассмотрения проблемы, считает философ. Политических лидеров тоталитарного общества можно в определенной степени сравнить с шаманами первобытного общества. Шаман являлся не только абсолютным властителем и избавителем общины от социального зла, но он выполнял еще одну важную функцию — передавал людям волю богов, предсказывал будущее. Предсказатель занимал свое твердое и важное место в примитивной общественной жизни, был неотъемлемой частью любой властной и военной структуры. И именно в этом пункте коренится причина возврата современного общества к формам, которые, казалось бы, были совершенно забыты. Разумеется, сегодня произошли колоссальные изменения в работе и методах современных «оракулов»; они разработали гораздо более тонкий и сложный метод предвидения, метод, претендующий на философскую глубину и на научность. В ход идет все: компьютерные технологии, социологические опросы, новейшие данные психологии. Но если даже методы «предсказания» изменились коренным образом, то суть дела осталась той же, полагает Кассирер.

«Наши политики очень хорошо знают, что большие массы людей гораздо легче привести в действие с помощью силы воображения, чем применяя грубую физическую силу, и прекрасно пользуются этим знанием. Политики стали чем-то вроде предсказателей судьбы, пророчество превратилось в существенный элемент новой техники управления. Они обещают самые невероятные и даже совершенно невозможные вещи, снова и снова сулят людям «золотой век»»¹⁵.

¹⁴ Ibid. S. 374.

¹⁵ Ibid. S. 377.

В процессе описания техники современных политических мифов Кассирер обращается не только к истории политических учений, но и к современным ему философским концепциям: философии истории О. Шпенглера и экзистенциализму М. Хайдеггера, указывая, что хотя новая философия и не оказывала непосредственного воздействия на развитие политических событий в Германии, но тем не менее она ослабила, медленно подточила силы, которые могли бы сопротивляться политическим мифам. Философия истории (книга О. Шпенглера «Закат Европы» вышла в 1918 г.), содержащая мрачные пророчества заката и неизбежного разрушения цивилизации, и теория (работа М. Хайдеггера «Бытие и время» — 1927 г.), «которая видит в «брошенности в бытие» человека одну из его сущностных особенностей, отказываются от надежды сыграть активную роль в строительстве и преобразовании культурной жизни. Такая философия отрекается от собственных фундаментальных теоретических и этических идеалов и может, вследствие этого, стать орудием в руках политических деятелей»¹⁶.

Как видим, в конце своей книги «Миф о государстве» Кассирер задается вопросом об ответственности философии за духовную ситуацию в современном мире. Именно философия, по его мнению, должна привести человека к лучшему пониманию природы окружающих его вещей, своего места и назначения в обществе и природе, наконец, собственной «сущности» человека. К примеру, Бэкон видел цель человека в овладении природой, но овладение это, подчеркивает Кассирер, нельзя понимать как ее подчинение власти человека, порабощение. Чтобы управлять природой, необходимо ее уважать, подчиняться ее основным законам. Человек сначала должен освободиться от заблуждений и иллюзий, ограниченности своего восприятия и фантазий. В первой книге своего «Нового Органона» Бэкон попытался систематизировать эти иллюзии. Он описывал различные виды идолов: идолы племени, идолы пещеры, идолы площади или рынка, идолы театра или теорий — и предлагал методы борьбы с ними, пути, которые приведут к истинной эмпирической науке.

Однако, по мысли Кассирера, в политике мы таких путей еще не знаем. Из всех человеческих идолов, политические идолы наиболее опасны и живучи. Как попытался показать Кассирер, все великие мыслители, начиная с Платона, прилагали огромные усилия для разработки рацию-

альной теории политики. В XIX веке появилась уверенность, что верный путь наконец-то найден: в 1830 г. Конт публикует первый том «Курса позитивной философии», это был первый шаг на пути создания новой социальной науки, основанной на тех же индуктивных и дедуктивных методах мышления, которые были проанализированы Контом в физике и химии. Однако внезапный расцвет политических мифов в XX веке показал, что надежды Конта и его последователей были преждевременны.

Кассирер спрашивает: что может сделать философия, чтобы помочь в борьбе с политическими мифами? Мы видим, что современные философы давно уже отказались от мысли влиять на течение политических и социальных событий. Гегель верил в самую высокую ценность и предназначение философии, хотя он и сказал, что философия всегда является слишком поздно для того, чтобы переделать мир, и глупо рассчитывать на то, что какая-либо теория может обогнать свое время.

Кассирер приводит известное изречение: «Сова Минервы вылетает, когда уже сгущаются ночные тени», подразумевающее, что философия всегда обречена на академическую чистоту, следствием которой является пассивное отношение к истории, объяснение исторической данности, без малейшего стремления что-либо изменить. Кассирер выступает против такой точки зрения и приводит пример Платона, который находился впереди своего времени и даже противоречил ему; без такой интеллектуальной и моральной отваги, считает немецкий неокантианец, философия не может выполнить своего долга перед культурой и обществом.

Разумеется, философия «не в силах разрушить политические мифы. Мифы в некотором роде непобедимы: их не опровергнешь разумными аргументами и не побьешь силлогизмами. Философия может сослужить другую службу: она помогает понять врага, дабы затем разбить его. Понять не только его дефекты и слабые места, но и в чем его сила, которую все мы склонны преуменьшать. Когда впервые сталкиваешься с политическим мифом, он кажется столь абсурдным и неуместным, столь фантастическим и отвратительным, что трудно заставить себя принимать его всерьез. Но теперь стало ясно, какая это огромная ошибка, и не стоит допускать ее в другой раз. Необходимо тщательно изучать истоки, структуру и технику политических мифов, чтобы видеть лицо врага, которого мы надеемся одолеть»¹⁷.

¹⁶ Ibid. S. 383-384.

¹⁷ Ibid. S. 388.

Цель, которую ставит перед собой Кассирер — это реконструкция истории европейского политического мышления под углом зрения мифического сознания. Это исследование генезиса и различных форм мифического мышления на определенных ступенях развития Европы показало, что политические мифы XX столетия коренятся в политической философии XIX века. Однако для того, чтобы миф стал реальной силой в мире, должны были появиться некоторые общественно-политические, «рамочные» условия, благодаря которым политическая мифология на какое-то время вытесняет и подавляет доводы разума. К таким «рамочным условиям» (имеется в виду конкретная историческая ситуация, имевшая место в начале XX века в Германии) Кассирер относит доминанту техники, глубочайший экономический, социальный и политический кризис в Веймарской республике как следствие падения монархии, равно как и глобальный мировой экономический кризис.

Итак, характеризуя сущность современных политических мифов, Кассирер выделяет четыре следующих основных особенности политической мифологии:

1. язык как одна из важнейших форм символического универсума человеческой культуры выполняет две главные функции:
  - представление и описание вещей;
  - средство эмоционального и аффективного выражения. Современные политические мифы используют односторонне лишь эту эмоциональную функцию языка; они говорят на языке аффектов и манипулируют этим, из-за чего возможности рационального анализа, которые имманентно присущи языку, блокируются и ослабляются.
2. Мифы являются не только рассказами о первоначале и драме мира. В гораздо большей степени функция мифа проявляется в фундировании и оформлении ритуальных действий. Ритуализация повседневной жизни и была главной особенностью нацистской Германии: от правил приветствий до бесконечного числа присяг, от коллективных маршей до ритуализации и регламентации любых жизненных ситуаций — всегда и везде использовались ритуальные формы мифического мышления. Ритуализация жизни посредством современных политических мифов имеет своей целью аффективно связать и подчинить любой коллектив людей, — будь то целая нация, «рейх» или определенный этнос. При этом главное в тоталитарном государстве — не

эмоциональное усиление отдельных индивидов, а, наоборот, их безоговорочное существование как части коллектива.

3. Действительность политических мифов основывается на признании «высшей ценности»; понятие «высшей ценности», по мнению Кассирера, имеет в своей основе давнее мифическое разделение на «сакральное» и «профанное». Такой высшей ценностью может быть раса, нация или этнически определенный народ. В любом случае речь идет о ценности, которая не может быть определена с помощью рациональных аргументов, а покоится на амбивалентных чувствах, аффективных настроениях общества.
4. Политические мифы современности осуществляют фаталистическую трактовку истории: подчеркивается исключительность и судьбоносность данного момента времени. Именно в этом смысле, отмечает Х. Петцольд¹⁸, можно рассматривать книгу О. Шпенглера «Закат Европы», равно как и концепцию М. Хайдеггера о «заброшенности» человека, в качестве интеллектуального продолжения мифологической традиции в XX веке; оба эти философа разрабатывали идею истории как «прочной», неотвратимой связи неких судьбоносных событий. Характеризуя эволюцию философской мысли Э. Кассирера в целом, можно сказать, что она заканчивается — это является, в частности, и девизом «Мифа о государстве» — не на пессимистической ноте. По мнению философа, можно избежать господства современных политических мифов, если будут выполняться следующие два условия:
  1. Необходимо всячески препятствовать блокаде символической способности у человека, ибо такая «блокада» сильно ослабляет, вплоть до полного исчезновения, процесс символической трактовки человеком реальных событий. Именно гибкое функционирование культурной активности человека, то есть свободная передача, усвоение и продолжение традиций, может выступить гарантом против возникновения и господства подобных «блокад» в обществе.
  2. Отношения между символическими формами культуры принципиально не могут быть «урегулированы» и жестко зафиксированы. Автономия является неотъемлемой сущностью каждой символической формы. Их динамическая «совместная игра»¹⁹ конституирует лишь

¹⁸ Paetzold H. Ernst Cassirer. Zur Einfuehrung. S. 121.

¹⁹ Ibid. S. 122.

социальную и культурную действительность людей; здесь постоянно имеется опасность слияния символических форм.

Политические мифы XX столетия в действительности основываются на слиянии следующих трех факторов: мифической энергии, технических навыков и политической силы. Кассирер полагал, что тогда, когда одна символическая форма «сливается» с другой, из-за чего их «совместная игра» прерывается, появляется возможность для возникновения обществ тоталитарного типа. Структура символического универсума культуры — этой «второй вселенной» человека — представляет собой совокупность различных областей культуры, которые автономны, не сводятся одна к другой, а связаны между собой функциональными узлами, или, как образно говорит Кассирер, — символические формы находятся друг относительно друга в свободной «совместной игре».

Итак, «Миф о государстве» Э. Кассирера представляет собой, помимо всего прочего, еще и рефлексию об опасностях, подстерегающих человеческую культуру. Совершенно недостаточно описывать и анализировать «нормальное» функционирование,

успехи и достижения человеческой культуры. Очень важно также давать прямые объяснения «провалов» и «неудач» культуры. Как отмечал в этой связи известный немецкий исследователь философского наследия Э. Кассирера Х. Петцольд, «в «Мифе о государстве» философ культуры Эрнст Кассирер выступил не только как «диагностик», но также и как теоретик кризисов культуры. С другой стороны, Кассирер в отличие от Георга Зиммеля или Мартина Хайдеггера не поддерживал мнение, что современная культура сама по себе является уже выражением кризиса человечества»²⁰.

Именно гуманистическая направленность философии Э. Кассирера и позволяет говорить о том, что ему удалось поднять решение проблемы человека и культуры на качественно новый уровень, противопоставив свою концепцию, с одной стороны, сциентистским, «этически нейтральным» течениям в философии, а с другой — экзистенциальным и психоаналитическим учениям, растворяющим «самость» человека в бездонном океане страстей, комплексов и прочих социальных, психологических и смысложизненных проблем современного человечества.

Список литературы:

1. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
2. Кассирер Э. Натуралистическое и гуманистическое обоснование философии культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
3. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998.
4. Cassirer E. Der Mythos des Staates. Frankfurt a. M., 1994.
5. Cassirer E. Form und Technik (1930) // Cassirer E. Symbol, Technik, Sprache. Hamburg, 1995. S. 39-91.
6. Cassirer E. Nachgelassene Manuskripte und Texte. Bd. 9. Zur Philosophie und Politik. Hamburg, 2008.
7. Cassirer E. Symbol, Technik, Sprache. Hamburg, 1995.
8. Paetzold H. Ernst Cassirer. Zur Einfuehrung. Hamburg, 1993.
9. Schwemmer O. Ernst Cassirer. Ein Philosoph der europaeischen Moderne. Berlin, 1997.

References (transliteration):

1. Kassirer E. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. M., 1998.
2. Kassirer E. Naturalisticheskoe i gumanisticheskoe obosnovanie filosofii kul'tury // Kassirer E. 1998.
3. Lorents K. Oborotnaya storona zerkala. M., 1998.
4. Cassirer E. Der Mythos des Staates. Frankfurt a. M., 1994.
5. Cassirer E. Form und Technik (1930) // Cassirer E. Symbol, Technik, Sprache. Hamburg, 1995. S. 39-91.
6. Cassirer E. Nachgelassene Manuskripte und Texte. Bd. 9. Zur Philosophie und Politik. Hamburg, 2008.
7. Cassirer E. Symbol, Technik, Sprache. Hamburg, 1995.
8. Paetzold H. Ernst Cassirer. Zur Einfuehrung. Hamburg, 1993.
9. Schwemmer O. Ernst Cassirer. Ein Philosoph der europaeischen Moderne. Berlin, 1997.

²⁰ Ibid. S. 123.